

3. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: Учеб. пособие М., 2005.
4. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11.
5. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики. М., 2002.
6. Иванов Д.А. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании. М., 2007.
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.: Прил. к приказу Минобрнауки России № 393 от 11.02.2002 г. М., 2002.
8. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка // Иностранный язык в школе. 2004. № 7.
9. Хуторский А.В. Ключевые компетентности как компонент личностно ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2.
10. Эльконин Б.Д. Понятие компетентности с позиции развивающего обучения. Красноярск, 2002.
11. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Психология конфликта и переговоры. М., 2004.

В.М.Князев

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Во все периоды человеческой истории важнейшей задачей общества была задача воспитания молодежи. В условиях, когда река жизни течет посредством смены поколений, пренебрежение делом воспитания молодого поколения чревато разрывом связи времен и прихода безвременья, хаоса, кризиса, и даже концом истории. Поэтому народы, общества, беспечно относящиеся к делу воспитания молодежи, неминуемо погибали. Не является ли современное российское общество – обществом, где молодежь воспитывается плохо?

Мы не будем анализировать молодежную политику государства. Ясно и без анализа, что пережить лихие годы радикальных реформ, когда рушились все прежние устои, уходили в прошлое социалистические ценности, идеалы, а на их место приходили ценности рыночного фундаментализма, идеалы либеральной свободы, эти времена пережить без потерь было невозможно. Лес рубят – щепки летят. Прежде всего, молодые люди и стали этими «щепками». Молодое поколение, рожденное в 1990-е гг., символически называют «поколением пепла». Но молодость – это сама жизнь во цвете ее сил, поэтому не все выгорело в душах молодых людей. И есть еще, кого воспитывать и на кого рассчитывать.

Современное российское общество XXI в. понимает, что пришло время заняться воспитанием молодежи. «Особенность «момента», то есть последнего десятилетия в истории России, состоит в том, что люди из разных слоев научились, кажется, ценить собственную свободу, хотя не научились ни бороться за нее в правовом поле, ни объединиться там с други-

ми людьми. ни сочетать свои свободололюбивые ценности и усилия с ответственностью, с уважением к свободе других индивидов, с умением достигать социальной согласованности, взаимности действий и ценностей как в сферах реализации свободы. И навыки цивилизационной реализации свободы у нас на Родине не сложились, и соответствующие ценности норм-рамки пока не стали внутренним убеждением очень многих людей» [1, с. 19].

Исходя из этой мысли, можно умозаключить, что смысл воспитательной деятельности по отношению к молодежи состоит в том, чтобы привить молодым людям опыт цивилизационной реализации свободы и дать разумной воле молодого человека в качестве духовных средств «ценности норм-рамки» для достижения состояния свободы. С этим умозаключением можно согласиться – оно верно по существу. Но как понимать свободу, что понимать под цивилизационным способом реализации свободы? Это два взаимосвязанных вопроса, отвечая на которые, мы получаем образ действительной свободы. Есть свобода как целевая установка, и есть условие ее достижения. Если цель неверна, то это движение к ложному идеалу. Если цель верна, а нет действительных условий ее достижения, то нет и реальной свободы, как позитивного результата нашего движения к цели.

Человек реализует свою свободу в лично-важной для него сфере – в социальной действительности. Успех в социальной деятельности является практическим критерием действительности его свободы. Свобода как мера вменяемой ответственности, которую человек добровольно возлагает на себя как право быть серьезным исполнителем общественной обязанности и как признание этого права со стороны общества. Условием достижения этой результативной свободы является цивилизационный протокол, согласно правилам, нормам которого и творится искусство свободы. «Цивилизационный способ» осуществления свободы не выдумывается человеком, ему этот цивилизационный протокол творчества свободы навязывает общество, дух господствующей культуры. Дух господствующей культуры и есть духовный закон осуществления свободы человеком. Чтобы человеку верно помыслить о свободе, как о цели, верно определиться с пониманием духовного закона свободы, ему надо быть свободным. В этом парадокс свободы, ее инаковость. Свобода – не от мира сего. Она производна от способности человека трансцендировать свое существование за границы этого мира, она связана с интенциональностью нашего сознания – с врожденной направленностью разума на объект вне разума.

В парадоксе свободы нет ничего мистического, это факт частичного существования универсального по сущности своего разума человека. Чтобы человеку быть здоровым и успешно бороться с тяготами болезни, ему надо иметь ресурс здоровья – быть здоровым. Всякое психическое состояние человека может быть превращено в метасостояние, если мы действием оценочного разума переоценим это состояние, придав ему качество силы, идеальности, положительности. Любое социальное действие человека есть

действие отношения, согласно закону которого человек может удовлетворить свои потребности, предварительно удовлетворив потребности другого человека. В силу названных фактов человек может, не имея опыта свободы, иметь этот опыт от духовного дара другого человека. Следовательно, это вопрос об учителе, о воспитателе духовности. И вопрос о готовности человека быть учеником духовного учителя.

Итак, вопрос о свободе – это не простой, а теоретически сложный вопрос. Но так как человеческому сознанию навязан миф о доступности для каждого дара свободы, то он мысленно и психологически свободен. Так как понимание свободы сведено к пониманию свободы как произвола, который разрешен и даже рекламируется как неограниченный аппетит потребительских нужд человека, то путь к серьезному и ответственному пониманию свободы блокируется уже достигнутым и весьма приятным для инфантильного потребителя плодом имеющейся свободы. Чтобы пробиться через горделивое знание свободы потребителя требуется искусство убедительности и жесткий удар по потребителю трудовой жизни, не терпящей лодырей и иждивенцев. В принципе, на стороне сторонников ответственной духовной свободы стоит сама жизнь, ее трудовой ход развития. Но молчаливый голос жизни надо озвучить и прокричать в ухо безмятежно кайфующего потребителя.

Важно подчеркнуть, что фигура воспитателя есть тот личностный фактор, который теорию свободы и трудное дело практики освоения опыта свободы переводит из возможности в действительность. Странно и даже пугающе страшно, что в пространстве высшего образования нет Учителя по духовности, нет выверенной политики воспитания. Преподаватели заняты делом образования – внешней огранкой сущностных сил студента, а внутреннего человека, личностное начало студента должно прорасти в человеке как прорастает лопух под забором. По газетным данным за 2008 г., экстрасенсы и маги, гадалки и ведьмы собрали со слепо верующих людей, с больных людей, пациентов, которые лечились у выпускников медицинских вузов, более 32 млрд р. Общество духовно больно, и студенты, не имея зрелого опыта, духовно слепы. Когда они станут специалистами, то не смогут сбитым с толку людям помочь, ибо они сами себе не могут помочь. Плюрализм мнений – это хорошо как возможность выбирать. Но, чтобы выбрать, надо уметь выбрать. Если этим хаосом разнознания человек не управляет, то плюрализм в культуре оборачивается для человека шизофренией – расщеплением сознания, переходит в болезнь – в бессилие разума, в бессилие самоопределяющейся духовной воли человека. Можно с точки зрения субъективного поиска истины говорить о всезнании человека, о его жадном познании, стремящемся все опробовать, все примерить к своему разуму. Но если человек попадает в среду медицинского вуза, где господствует духовная установка на биофилию, на любовь и защиту жизни, и начинает в этой духовной среде активно пропагандировать идеоло-

гию субкультуры готов, с их ярко выраженной установкой на некрофилию, вампиризм, то ясно, что это перебор. Ясно, что что-то не так «в королевстве Датском» и жди скоро прихода Гамлета.

Итак, в современных российских условиях основной целевой установкой воспитательной деятельности среди молодежи должно стать воспитание – «напитание» разумной воли человека силой личностного духа. Рассмотрим некоторые теоретические вопросы этого архисложного дела. Только человек, пребывающий в состоянии свободы, может творить дело истории. Современному обществу требуются исторически успешные личности, следовательно – требуются люди свободы.

Люди свободы – это духовные люди. Действительная свобода, к которой так страстно стремится современный человек, есть атрибутивное свойство духовно сильного человека. Сказать «дух» и сказать «свобода» – это сказать одно и то же, но в разных аспектах: в аспекте потенции и в аспекте актуализации. Проблема свободы – это проблема духовно-личностного бытия человека. Если человек пребывает в силе духовно-личностного бытия, то он свободен в любых условиях жизни. А если, говоря словами легендарного буддистского патриарха Нагарджуны, с которыми он обратился к царю Милинды: «О великий царь, в Вашем обличии так много роскоши, атрибутов власти, но, где же человек, несущий все это величие. В Вашем великолепии есть великолепие царя, но есть ли царь, есть ли личность у царственного человека». Великий Нагарджуна, являясь духовной личностью, мог задать такой вопрос царю, ибо царь пришел к нему, чтобы испытать свое духовное начало в диалоге с мудрецом. В былые времена ценили духовный ранг человека и цари, и мудрецы, и простые люди. Ценили безусловное, бытийственное начало в жизни человека.

В наши времена в человеке ценится искусство жить условным – способность к социальной мобильности, отзывчивость на зовы очень изменчивого и капризного времени, готовность терпеть колючий ветер перемен. Живя по закону условного, очень быстро превращаешься в виртуальную величину, в пыль под ногами не условно, а безусловно идущих по дороге истории людей исторического действия и поступка. В этой ситуации исторического банкротства у человека остается одно алиби, одно оправдание. Он говорит себе, что он в своем искусстве условного жития, не живя, а играя в жизнь, – уникален. Человек, имея номинальное алиби самооправдания, называет процесс духовно-личностного расчеловечивания абстрактным словом «уникален», аксиологически предполагая, что он индивидуально неповторим, своеобразен в творчестве индивидуализма. Человек не понимает, что есть индивидуализация – бегство в пустоту, суетность своего событийного, феноменального «Я». И есть «индивидуация». «Индивидуализм есть преднамеренное выпячивание и подчеркивание мнимого своеобразия в противовес респекту и обязательствам в отношении коллектива.

Индивидуация же означает как раз более совершенное исполнение человеком своих коллективных предназначений: ведь достаточный учет своеобразия индивидуума оставляет надежду на лучший социальный эффект, нежели пренебрежение или даже подавление этого своеобразия. Своеобразие же индивидуума ни в коем случае нельзя понимать как необычность его субстанции или компонентов, а гораздо скорее как своеобразное соотношение или различие в степени функций и способностей, которые сами по себе универсальны. У каждого человеческого лица есть нос, два глаза и т. д., но эти универсальные факторы вериабельны, и эта вериабельность делает возможным индивидуальное своеобразие. Поэтому индивидуация может означать только процесс психологического развития, осуществляющая заложенные индивидуальные предрасположенности, иными словами, делающего человека тем определенным отдельным существом, каким он и является. Вместе с тем, он не становится «самолобивым» в расхожем смысле, а просто реализует свое своеобразие, что, как уже сказано, как небо от земли далеко от эгоизма или индивидуализма» [3, с. 236].

Простоту и естественность своеобразия ставят на место труду социализации, труду духовного преображения человека. Преуспеть в карьере в условиях жесткой конкуренции необычайно трудно, достичь духовного совершенства в условиях инфантильности, пустого времяпрепровождения невероятно трудно. Движение по пути духовного совершенствования требует от человека сверхусилий, подвига. А потребитель полагает, что можно достичь высокой самооценки и получить признание от массовой культуры, если ты будешь уникален, то есть будешь свою обыденную фигуру, своей конформистский ум, свой суетный образ жизни «обклеивать» яркими ярлыками молодежной субкультуры, необычным поведением, подстегивая себя на эпатаж публики алкоголем, наркотиками. Но этот путь уникальности в пустоту бездуховности – не есть путь к свободе. И мы должны об этом сказать.

Чтобы быть действительно свободным, надо культивировать в себе ежедневно, ежечасно состояние свободы, беря за образец опыт духовной свободы, который демонстрировали мудрецы, пророки, выдающиеся деятели отечественной и мировой культуры человечества. Истины свободы открыты – ее не надо изобретать заново. Надо творчески отнестись к дару мудрости свободы, который дан нам в опыте традиционной духовной культуры. Чтобы быть свободным, надо идти путем свободы, надо следовать протоколу цивилизационного понимания свободы, следовать по стезе духовных законов культуры. А что для России традиционно является духовным законом свободы? Как и для всех народов мира – это духовное знание религии. Как для народов Среднего Востока – это ислам. Для китайцев – конфуцианство, дух буддизма в чан-буддистском понимании. Для народа Израиля – иудаизм. А для России – традиционное православие.

Теоретически ясно, что для дела свободы нам надо актуализировать дух православной традиции. А практически господствующая идеология либерализма полагает, что модель рыночного понимания свободы, обрисованная классическим образом Адамом Смитом, не может быть успешно реализована в ментальности православного сознания. А.Смит полагал, что человек в своей истине бытия есть буржуа в период раннего накопления капитала – это предприимчивый, рискованный, авантюрный человек, знающий одну страсть – страсть успешного предпринимательства. Если природа человека буржуазна, то и социальные условия должны соответствовать реализации начал этой природы. Общество предпринимателей должно быть обществом свободной конкуренции, государство, церковь не должны вмешиваться в предпринимательскую деятельность людей. Стихия рынка, его естество, его «невидимая рука» воздаст каждому по его делам.

Естественно, что такая прагматическая модель социальности плохо стыкуется с ментальностью христианства, с его духом соборности, с его императивом любви («возлюби ближнего, как самого себя. Возлюби Бога больше, чем самого себя»), с его гуманизмом, милосердием к слабому. В лучшем случае для православных; но, по мнению либеральных идеологов, православие можно заменить протестантизмом с его культом индивидуалистической трудовой этики. А в более радикальной редакции – постмодернистским видением существа свободы. По мнению Г.Л.Тульчинского [2], архаический подход к пониманию свободы действительно стал архаичным и не вписывается в реалии современного динамичного мира. Современный социум глобален и динамичен. Тотальность глобальной динамики современной жизни берет свой исток в независимом мышлении человека. Человек нового мышления, знает, что в постчеловеческой ситуации все возможно, и корень экспрессии, возможно, в человеческом «могу» – в его свободе. Люди свободы образуют экспертное сообщество, интеллект современной цивилизации, и код их свободного мышления фактически и является «цивилизационным протоколом» для обретения свободы другими людьми.

Если человек есть бытие возможного, бытие свободы, то где коренится бытие свободы, из какого «ничто» она проистекает? По мнению Г.Л.Тульчинского, «если она в небытии, «дырка в бытии» (Ж.-П.Сартр), то подобна, согласно даосской метафоре, “дырке в ступице колеса”, без которой невозможно вращение колеса. Свобода – источник творения новой реальности, откровение новых миров. Единственным пока носителем свободы является человек, существо, наделенное способностью к трансцендированию в иное» [2, с. 43]. По нашему мнению, автор абсолютизирует принцип свободы как бытие человека нового мышления. И, ради утверждения этого принципа, отрицается реальный человек, живущий в архаике традиционной культуры. «За человеком, – пишет Г.Л.Тульчинский, – существом амбивалентным – надо видеть главное – свободу. Покушение на

свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие. ничтожит его. Серьезной заслугой постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, чреватого национализмом и шовинизмом; лозунгом "Все во имя человека, все для блага человека!", оправдывающим самые страшные и кровавые злодеяния индивидуализмом» [2, с. 44]. И далее он высказывает очень важную мысль: «Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персоналогией свободного духа. И если гуманитаристика – наука, то это наука о духе. При этом важно, что проявление духовного универсальны и едины – в силу своей постчеловечности» [2, с. 44]. Гуманитаристика в постмодернистской стилистике и в постмодернистском провозглашении смерти Отца, Бога, Автора, читателя, человека является наукой о духе – тем протоколом культуры, по которому мы должны усваивать дух свободы, то есть приобщаться самому бытию свободы. Это смелое и вполне в духе постмодерна заявление.

Но люди пишут, говорят, а дело каждого самому и ответственно творить дело своей жизни – бытие духовной свободы. Духовное рождение человека осуществляется в процессе самостоятельности, в процессе собственного, свободного выбора. И, выбирая путь свободы, надо учесть и уроки самой жизни. Один из уроков жизни: православная культура вернулась в пространство общественного сознания современной России. Те споры, которые идут вокруг введения в школе уроков по курсу православной культуры, показывают всю сложность этого вопроса. Здесь не все так просто и легко. Кто будет преподавать, что будут преподавать? Это важные вопросы. Как совместить архаику сознания с современными культурными реалиями. Ведь постмодернизм, плюрализм и многое другое – это не выдумка, это реальность нашего современного сознания.

Кредо философии, высказанное Б. Спинозой, гласит: «Не плакать, не смеяться, а понимать». А понять можно только в процессе практики, войдя на тернистый путь свободы. Свобода как независимость «от» и всецелостная, духовная устремленность человека «к» существует реально как духовно-личностное бытие человека. А духовно-личностное качество человеческого существования, как и ум человека за одну ночь, по требованию идеологического апологета свободы не появляется в пространстве человеческой субъективности. Духовное состояние человека и атрибутивное свойство духа – свобода выращаются трудом самостоятельности в душевной стихии беспокойства, тревоги, неуверенности, сомнения и страха человека. Из болезненных состояний, духовно слабой души формируется, культивируется состояние силы покоя и радости, безусловной стойкости и уверенности – формируется начало человеческого духа, его энергичное зерно, из которого по естественным законам роста развивается душевный дух человека. Этому росту душевного духа не надо мешать, а надо способ-

ствовать. Человек существо дважды рожденное – рожденное в теле и рожденное в духе. В теле мы рождаемся посредством жизни родителей. А в духе посредством собственной самодеятельности и посредством мудрой воли духовного Учителя.

Душевный дух как состояние силы покоя и радости, безусловной стойкости и уверенности есть одновременно биологически врожденное качество человека – инстинкт духа и есть состояние, приобретенное в процессе культурно-социального воздействия на природу человека – духа инстинкта (духа культуры). Душевный дух имеет внутренне содержание – врожденную силу витальности, душевную причастность бездне сущих сил бытия и внешнюю форму, способ существования в социально-культурной среде. Мудрость духа культуры в том, чтобы быть эффективным инструментом, социально-культурным ресурсом, «хорошей» социальностью для естественного биологического роста инстинкта духа.

Важно понять, что социокультурный способ существования человека есть способ жизни биологического существа – единичной персонифицированной силы сущего бытия. Специфическому способу своей жизни человек придает особое, приоритетное, сущностное значение, видя в социальном образе жизни начало культуры, и причину возникновения своего сознания, разума. А разум, в свою очередь, мыслится как атрибутивное, родовое свойство человеческой природы. Таким образом, утверждается, что функция – социокультурный способ жизни сущего бытия творит уникальную, отличную от всех других форму жизни и ее телесное воплощение – человека разумного, человека социального. Утверждается верность того, что социокультурный способ жизни доминирует над биологическим началом в человеке, заставляя биологический процесс жизни следовать не только закону природной необходимости, а прежде всего закону культурного долженствования. Социоцентризм, культуроцентризм стали общим местом при определении сущности человека, при понимании сущности его свободы.

Такой подход к сущности человека верен, ибо это научный факт, что функция творит орган, что образ жизни создает особое, по образу жизни существо жизни. Но верно и другое утверждение, что единично сущее бытие не пассивно в отношении способа своего функционирования, а весьма активно и радикально в своей активности, когда видит безжизненный, смертельно опасный для себя способ функционирования. Правда, активность и радикальность сопротивления единично сущего бытия «глупости», «абсурдности» его принудительного функционирования выражается в пассивной форме – в форме неучастия души в играх социального разума.

Душа человека – форма жизненности жизни человеческого тела, открытая граница жизни сущим силам бытия, видя обман социума, «мертвец», становится непроницаемой для силы идеации разума культуры. Когда пограничное пространство души между идеальностью разума культуры и

материальностью тела человека становится непроницаемо, то идеальная сила идей разума культуры не находит материального своего воплощения. Когда слова культуры не соединяются с сущими, бытийственными силами душевного духа человека, тогда нет и данной культуры и общества, живущего по законам этой культуры. Смерть души в результате ее отчуждения от лживого разума культуры опасна не только для жизни общества и его культуры, она еще смертельно опасна для жизни самого человека. Когда душа «мертвеет», то она становится непроницаемой не только для сил социального разума культуры, но и для сил сущего бытия. Когда через «безжизненность» души не поступает сила бытия, то и сила жизни, питаемая силой «есть», тут же исчезает.

Таким образом, человек ставится перед выбором: спасти душу во имя бытия, потеряв при этом ее для открытости социальному разуму культуры, или, боясь в слабости своего душевного духа, потерять ее для бытия, лишившись реальной телесной жизни. Второй выбор – выбор смерти. выбирать надо жизнь души, чтобы иметь возможность заменить антидушевный дух культуры на душевный ее дух. Духовный уровень свободы есть способность человека защитить жизненность собственной души от имитационной, безжизненной игры в жизнь духа культуры. А чтобы защитить, надо воспитать в себе силу собственного душевного духа, найдя для самостоятельности самовоспитания духовного учителя в жизнеутверждающем опыте отечественной и мировой культуры.

Такой взгляд на духовное бытие человека близок позиции философии экзистенциализма, согласно которой существование предшествует сущности, при определении человека надо исходить из его бытийственности. Противоположный подход – сущностный – означает, что сущность предшествует человеку. Человек как раз то существо, существование которого предшествует сущности, то есть человек рождается в бытии биологического существования, а потом по мере социализации, по мере приобщения к культуре определяется в той или иной духовности культуры – в душевной или антидушевной.

Человек в наибольшей степени является человеком душевного духа и потому наиболее склонен стать духовно-личностным существом именно в молодые годы. В молодые годы он существует духовно как трансцендирование своего душевного духа к предметности более подлинного, совершенного бытия, он живет проектом будущего, он отрицает суету и тщеславие настоящего, он романтик, идеалист. Целевая причина человеческой жизни, скрытая за горизонтом будущего в предметности подлинного, совершенного бытия с великой силой веры в идеал, влечет молодого человека жить устремлениями духа. Молодости свойственна имманентная духовность в виде устремлений душевного духа и трансцендентальной духовности в виде действия целевой причины на разумную волю человека. Если это так, а это так, то кого в лице молодежи мы будем воспитывать,

если они обладают более жизненной силой духа? Они могут, но не знают, что могут. Поэтому на их энергии дух и паразитируют целые полчища интеллектуальных и не очень интеллектуальных вампиров. Задача воспитателя защитить доверчивое сознание молодежи от манипуляторов и многочисленных «гуру».

Если вековечную мечту человека о свободе «заземлить» на реальное «могу» реального человека, то выяснится, что свобода как сила независимости «от» и сила устремленности «к» повисает в пустоте, не найдя для своего осуществления достойного субъекта. О какой независимости можно говорить, имея в виду молодого человека, делающего свои первые шаги в процессе социализации, не имеющего социального ранга, который дает ему стабильный доход (экономическую независимость), признание его общественной значимости со стороны людей и общества (силу социальной независимости), удовлетворенность своей жизнью (силу высокой самооценки)? О какой силе целеустремленности свободы к «земле обетованной» можно говорить, если для молодого человека движение все, а цель ничто, если он не определился в своих ценностных ориентирах, в выборе друзей, партнеров, не подозревает о существовании объективного смысла собственной жизни и живет в праздности приятного времяпрепровождения?

Ясно, что в социальном измерении свобода молодого человека оценивается очень низко. С точки зрения социального статуса – существование студента потенциально значимо, а с точки зрения социальной действительности – студент он и есть студент, который может закончить успешно курс обучения и получить диплом специалиста, а может остаться социальным «ничто». Социальное существование студента вариативно, мобильно. С точки зрения жизненной энергетике – у студента есть свобода, а с точки социальной субъектности – он «никто», просто энергетический носитель человеческой жизни, не подключенный в естественную структуру общественной жизни и потому не начавший с полной отдачей социально жить.

Молодость – это вино жизни, от которого человек пьянеет и плохо понимает, что ему делать с собой, со своим предназначением, со своей миссией. С возрастом опьянение молодостью проходит, а вместе с этим проходит энтузиазм, живой интерес к жизни, к творчеству, бескорыстие и доверчивость к слову авторитета. Только в молодые годы можно взяться за великое дело и делать его в уверенности победителя. Только в молодые годы можно встать на крыло свободы и лететь затем всю жизнь в восходящих потоках притяжения великой цели. Энергия начала естественным образом дана человеку в его молодые годы. Эта энергия начала есть энергия сил человеческого духа. Мы каждый день начинаем свою жизнь с начала, мы каждый раз, совершив ошибку, находим в себе силу переоценить ценности и с начала жить с начала. Это начало есть сила бытия, не сила социального существования, не сила социального признания, престижа,

почета, а сущая сила бытия, из которой получает свое начало любая жизнь, в том числе и жизнь человека. Чтобы существовать – надо быть. Важно этот естественный дар духа сохранить и преумножить. Молодежь, конечно, защитит себя и твердо и сильно войдет в будущее. Но с какими потерями, с какими ранами. Наша задача воспитателей молодежи помочь в их духовном взрослении.

Библиографический список

1. Мотрошилова Н. Российские реалии и дискуссии в свете проблем гражданского общества. // Вестн. аналитики. 2009. № 3.
2. Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вестн. философии. 2009. № 4.
3. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

С.Н.Куликов

НАУЧНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК ВЕКТОР МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Лекции по концепциям современного естествознания (КСЕ) были впервые прочитаны студентам 3 курса лечебно-профилактического и педиатрического факультетов Уральской государственной медицинской академии (УГМА) в 2008-2009 уч. г. Целью этой учебной дисциплины является формирование мировоззрения молодого специалиста. Методология состоит в эволюционно-синергетическом восхождении по уровням организации материального мира от элементарных частиц к человеку и к человечеству во взаимодействии с биосферой. Главное внимание уделяется изучению системности, эволюции, самоорганизации, а также принципов микромира: дополнительности, соответствия, неопределенности. Подчеркивается основное значение системного подхода, и проявление других научных принципов в теории и практике медицины и социальной работы. Воспитательной задачей является раскрытие оптимистической сущности современной естественнонаучной картины мира.

Структурная организация целостного мировоззрения включает естественнонаучную картину мира, духовную культуру (национальную, религиозную, идеологическую) и гуманитарную культуру. Таким образом, идеи могут представлять собой всеобщие концепции; более частные принципы и законы, которые объединяют большие группы людей (государственные, конфессиональные, партийные, корпоративные), а также могут